

Второе утро после того, как Су Синьхао очнулся на больничной койке в палате наблюдения больницы Чаоян, началось с проверки: в своём ли он всё ещё теле.

Нет.

В поле зрения по-прежнему попадал слегка искривленный пучок волос, прядки, выбившиеся со лба, и эта белая футболка с чересчур широким воротом. Он поднял руку — нет, поднял «её» руку — и поднес к глазам. Округлые суставы пальцев, аккуратно подстриженные, но заурядные ногти, а на запястье не хватало той самой серебряной цепочки, которую он носил шесть лет. Он опустил руку, уставившись в потолок, и потратил секунд тридцать на то, чтобы переварить факт: «сегодня я снова девушка», после чего откинул одеяло и встал с кровати.

Ощущение ступней, касающихся пола, было совсем не таким, как раньше. Это тело было слишком легким, с заниженным центром тяжести, хрупким скелетом, и каждый раз при вставании возникало неустойчивое чувство, будто наступаешь на детские кубики. Он провел в этом теле уже два дня, но так и не привык. Весь вчерашний день он почти не покидал эту больничную койку. Медсестра заходила измерять давление трижды, приносила два приема пищи, а лечащий врач заглядывал один раз, чтобы спросить, не кружится ли у него голова и нет ли тошноты. Он ответил на все вопросы по порядку, используя информацию, которую Линь Юэюэ прислала ему в Вичате: возраст Линь Юэюэ, ее школу, историю прошлых болезней — выучил всё наизусть лучше, чем собственное резюме.

Но сегодня уходить было обязательно. Врач уже сказал, что показатели в норме, и во второй половине дня можно оформлять выписку. Ему предстояло вернуться к жизни Линь Юэюэ вместо нее самой. Эта мысль вызывала у Су Синьхао тонкое чувство абсурда. Он был профессиональным кумиром, перед объективами камер примерил бесчисленное множество ампула и бесчисленное количество раз отвечал на интервьюеровский вопрос: «Что бы вы сделали, если бы превратились в девушку?», — и на подобные темы у него давно были заготовлены безупречные стандартные ответы. Но он никогда не думал, что однажды и впрямь превратится в девушку, которая в женском теле отправится домой к девушке проводить летние каникулы.

Туалет палаты наблюдения находился в конце коридора. Когда Су Синьхао вошел туда, внутри никого не было, и он разделался со всем быстро, глядя исключительно перед собой. За эти два дня он уже выработал свод правил: свести движения к самому необходимому минимуму, не задерживаться ни на секунду лишне, не смотреть в зеркало, не думать. Смыть, вымыть руки, опустить голову и выйти из кабинки. Затем он поднял взгляд — и столкнулся нос к носу с девушкой, только что вошедшей внутрь.

На девушке был высокий хвост, желтая футболка и джинсовые шорты, а в руке она держала термос. Ее взгляд упал на Су Синьхао, сначала скользнул небрежно, а затем резко загорелся, словно она наконец отыскала разлученных на долгие годы родственников.

— Юэюэ! Проснулась и почему-то не ешь!

Су Синьхао даже не успел отреагировать, как та девушка в два счета преодолела расстояние в три шага и намертво вцепилась ему в запястье. Хватка оказалась крепкой, пальцы теплыми, а на ладонях чувствовалась легкая испарина. Тело Су Синьхао инстинктивно оцепенело. Он не привык, чтобы к нему прикасались незнакомцы, особенно подобным образом — страстно, как само собой разумеющееся, без всякой дистанции. Но собеседница, судя по всему, совершенно не заметила его скованности и, не умолкая, затараторила пулеметной очередью: — Я тебе всю прошлую ночь писала, а ты не отвечала, я чуть с ума не сошла, решив, что у тебя стряслось

что-то страшное, и примчалась сюда ни свет ни заря. Где твой телефон? Почему не отвечаешь на сообщения?

Мозг Су Синьхао закрутился с бешеной скоростью. Линь Юэюэ не присылала ему никаких сведений об этой девушке. Он не знал, как ее зовут, какие отношения связывают ее с Линь Юэюэ и как они обычно общаются. Единственное, что ему оставалось — свести реакцию к минимуму, стараясь не выдать себя. Он выдавил из себя улыбку — уголки губ изогнулись под тем самым градусом, чтобы выглядеть естественно, в этом деле он проходил профессиональную подготовку: — Телефон разрядился, еще не успел зарядить.

Голос звучал отлично — это был тембр Линь Юэюэ, но интонация оставалась его собственной: ровной и лаконичной.

Девушка в желтом не заподозрила подвоха. Она с ног до головы окинула Су Синьхао взглядом, полным искренней жалости: — Надо же так убиваться из-за похода на автограф-сессию, чтобы аж сознание потерять! Долго еще фанатеть до больницы будешь? Ты у нас рекордсменка. Су Синьхао к тебе заходил?

Су Синьхао на мгновение замер: — ...Нет.

— Ну да, он же суперзвезда, с какой стати ему навещать фанаток в больнице. — Девушка в желтом вздохнула и снова оглядела его с ног до головы. — Вид у тебя вроде нормальный, не такой мертвенно-бледный, как в первые дни. Кстати, из-за того, что ты на него налетела, в сети настоящий взрыв. Кое-кто пишет, что ты была сасэн-фанаткой и напала специально, другие утверждают, будто тебя подослали хейтеры из лагеря соперников, в суперчате ругань шла весь день...

Пока девушка говорила, она достала телефон, привычным движением открыла Вейбо и сунула экран прямо перед носом Су Синьхао. В топе трендов. Су Синьхао увидел собственное имя: «Су Синьхао — столкновение», «Инцидент на автограф-сессии Су Синьхао». Он взял аппарат и пару раз провел большим пальцем по экрану. Содержимое тем оказалось куда насыщеннее, чем он предполагал. Поклонники яростно защищали его, ругая «упавшую в обморок фанатку», которая якобы заставила его рухнуть со сцены; шипперы умилялись тому, «как Чжу Чжисинь бросился спасти его в первое же мгновение»; а желчные блогеры стряпали разнообразнейшие версии происшествия, одна нелепее другой.

— Да у этих пабликов совсем крыша съехала, — возмущенно пробормотала девушка в желтом. — Пишут, будто ты намеренно врезалась в него, да еще и деньги за это получила... Да ты же три месяца сэкономила на карманных расходах, чтобы купить VIP-билет, откуда у тебя деньги?

Су Синьхао вернул ей телефон, ничего не ответив. Он не знал, как на это реагировать. Будучи одним из главных действующих лиц, он стоял здесь собственной персоной, но при этом был вынужден выслушивать чужие пересказы своего происшествия с чужой колокольни. Ощущение было дичайшим.

К счастью, девушка в желтом не стала развивать тему. Она потащила его обратно в палату наблюдения и, попутно собирая вещи, принялась без умолку болтать. Из ее щебетания Су Синьхао наконец выудил несколько ключевых сведений: ее звали Чжао Тяньтянь, она была закадычной подругой Линь Юэюэ со времен старшей школы до самого института, они делили одну комнату на двухъярусных кроватях и знали все темные тайны фандомного прошлого друг друга. И к тому же — в чем он вскоре убедился — она оказалась сумасшедшей шиппершей, затмившей саму Линь Юэюэ.

— А где твоя фанатская плакатная лента? — неожиданно спросила Чжао Тяньтянь, наводя порядок на тумбочке.

Су Синьхао опешил: — Какая лента?

— Ну та, которую ты делала полмесяца! Розово-голубой градиент, золотое тиснение, да еще с наклейками вас двоих в чиби-версии! Только не говори, что ты ее посеяла, она же для тебя была дороже жизни...

— На автограф-сессии, — Су Синьхао смутно припомнил ту улетевшую от удара ленту; скорее всего, ее подобрал кто-то из персонала.

Чжао Тяньтянь тут же сникла: — Ладно-ладно, главное, что сама цела. Ленту можно сделать заново. — Она осеклась, и ее глаза вдруг засияли: — Эй, раз уж об этом заговорили... Как думаешь, Су Синьхао видел твою ленту? Там же было написано: «Чжу-Су — чистейшая правда», он заметил?

Выражение лица Су Синьхао на секунду едва заметно окаменело. Видел. Конечно видел. Он не просто видел — именно тот, кто размахивал этой лентой, и впечатал его в больничную койку.

Чжао Тяньтянь ничего не замечала и продолжала вдохновенно щебетать: — Если он ее заметил, то его реакция — сплошной сахар! Представь: он видит плакат с любимым пейрингом, улыбается, а когда ты падаешь, он еще и протягивает руку, чтобы поймать... Пусть в конце концов вы друг друга и сбили, но то движение было настоящим! Значит, он тепло относится к шипперам! И вполне возможно, сам прекрасно знает про пейринг Чжу-Су! Кто знает, может, он и втайне заглядывает в их паблик...

— Подожди, — не выдержал Су Синьхао. — С какой стати ему втайне гуглить собственный пейринг?

Чжао Тяньтянь посмотрела на него так, будто перед ней сидел человек, фанатевший столько лет и всё еще задававший глупые вопросы: — Да потому что парням тоже любопытно, что окружающие думают о них и их братах. Ты же видел, как Чжу Чжисинь смотрит на Су Синьхао? Говорю тебе, я этот взгляд изучала сотню раз, он ни капли не наигранный! Помнишь тридцать шестой выпуск шоу: когда Чжу Чжисинь подает Су Синьхао воду, в тот момент, когда их пальцы соприкасаются, у него краснеют мочки ушей — такое покраснение подделать невозможно!

Су Синьхао открыл рот, собираясь что-то возразить, но Чжао Тяньтянь уже переключилась на следующий пункт.

— А тот момент с концовкой на сцене в прошлый раз, когда Су Синьхао оглянулся на Чжу Чжисиня — помнишь ракурс? Когда он оборачивался, уголки его губ тянулись вверх. Он улыбался. Хотя прекрасно знал, что камера снимает, все равно улыбнулся. Что это значит? А то, что ему плевать, что его снимают, главное для него — что в этот самый момент Чжу Чжисинь стоял прямо у него за спиной...

— Возможно, софиты слепили глаза.

— Да с чего бы! Если свет слепит, люди жмурятся, а он не жмурился, он улыбался! Ты ничего не понимаешь, это чистый сахар! Рафинированный сахар! Даже промышленный сахарозаменитель — и то сахар!

Су Синьхао умолк. Он наконец понял, откуда взялась фраза в друзьях Линь Юэюэ в соцсетях: «Чжу-Су — абсолютная правда, возражения не принимаются». Это была не просто навязчивая идея одной Линь Юэюэ, это была общая фантазия миллионов. Они рассматривали каждый кадр под микроскопом, анализировали каждое взаимодействие с серьезностью научных диссертаций, выискивая бесчисленные смыслы в каждом отдельном кадре. А ведь они с Чжу Чжисинем, совершая те самые движения, ни о чем подобном даже не помышляли.

Чжао Тяньтянь, очевидно, и не думала останавливаться. Усевшись на краешек больничной койки, она принялась загибать пальцы, перечисляя «десять легендарных моментов Чжу-Су». Начиная с их первой встречи в период трейни вплоть до камбэка в прошлом месяце — каждый знаковый эпизод она помнила с точностью до даты, названия материала, конкретного жеста и переглядывания. Поразительная точность в деталях заставляла Су Синьхао покрываться мурашками: некоторые вещи он давно забыл сам, но она помнила их лучше него.

— Десятое, — Чжао Тяньтянь подняла последний палец, — день автограф-сессии. Когда ты потеряла сознание, Су Синьхао не отшатнулся. Нормальный человек, видя, как на него кто-то валится, инстинктивно отскочит. Но он не отскочил. Он устоял на месте и даже подался вперед. Только подумай: топовый кумир, перед которым внезапно падает незнакомец, инстинктивно протягивает руку вместо того, чтобы пятиться назад — о чем это говорит? О том, что он подсознательно хотел тебя поймать.

Су Синьхао не выдержал: — Он просто не успел среагировать.

— С чего ты взяло?

Потому что тем человеком был я, — мысленно ответил Су Синьхао. Но вслух произнес совсем другое: — Я так думаю. В такой ситуации у человека просто нет времени сообразить. Не то чтобы он не хотел увернуться, времени не оставалось.

Чжао Тяньтянь фыркнула, явно оставшись недовольна таким объяснением: — Раньше ты говорила по-другому. Ты твердила, что это «проявления природной доброты», и называла Су Синьхао воплощением «мягкости, заложенной в самой его сути». Чего это ты вдруг растеряла всю объективность после одного столкновения?

Су Синьхао промолчал. До него внезапно дошло: он в образе Линь Юэюэ опровергает фанатские трактовки собственного же поведения. Пожалуй, это было самое сюрреалистичное зрелище за все его двадцать лет жизни.

Не заметив ничего странного, Чжао Тяньтянь открыла новую волну вещания. Включив Bilibili, она принялась показывать ему свежеснятый вчера клип про пейринг Чжу-Су. Видео сопровождалось слезливой фоновой музыкой, а кадры их с Чжу Чжисинем взаимодействий были смонтированы в единый сюжет. Начиналось всё с хроники периода стажировки: размытая картинка, на которой едва можно было разобрать лица; в середине шли бесконечные нарезки с подачей воды, переглядываниями и совместной ходьбой рука об руку; а завершалось всё финалом недавнего камбэка — его собственным взглядом назад на Чжу Чжисиня, который в ту же секунду смотрел прямо на него.

Бегущие строки комментариев сливались в сплошную пелену: «Чжу-Су — чистейшая правда», «В их глазах спрятана целая вселенная», «Чжу Чжисинь, ради бога, поцелуй его»... Су Синьхао уставился на собственное лицо на экране, испытывая жуткое раздвоение личности. Люди в этих кадрах были им самим, но стоило снабдить видео подобными подписями, как они превращались в совершенно другого, незнакомого ему человека.

— Видишь? — Чжао Тяньтянь нажала на паузу, указывая на тот кадр, где он поворачивал голову. — Твой ракурс позволяет заметить уголки губ Су Синьхао — глянь, разве это не улыбка?

Су Синьхао уставился на застывшее на экране собственное лицо. Улыбка действительно была видна. Но он прекрасно помнил: в тот день на финале он улыбался потому, что звукорежиссер в наушниках бросил фразу: «Заканчиваем, идем есть хого», — и это не имело ничего общего с нежным выражением лица, направленным на Чжу Чжисиня.

— Чжао Тяньтянь, — неожиданно произнес он, и в его голосе проскользнуло легкое, едва уловимое утомление. — Ты никогда не думала, что на самом деле всё обстоит совсем иначе?

Чжао Тяньтянь моргнула, словно услышала нечто кошунственное: — В смысле?

— В том смысле, что Су Синьхао, возможно, обернулся и улыбнулся по совершенно другой причине. Быть может, у Чжу Чжисиня покраснели уши от жары на репетиции. И все эти ваши «сахарные» моменты — простое стечение обстоятельств.

Чжао Тяньтянь сверлила его взглядом секунды три. Затем протянула руку и тыльной стороной ладони прикоснулась к его лбу: — Да ты вроде не горишь. Что с тобой? Ты что, от удара рассудок повредила? Раньше ты была главной сахарной фабрикой нашего фандома, твой фанфик про Чжу-Су в суперчате даже добавили в избранное!

На лице Су Синьхао наконец проступила трещина: — Что я написала?

— Твой роман «Звезды за пределами световых лет»! Больше двадцати тысяч слов, взаимная тайная любовь Чжу-Су, сюжет от периода трейни до дебюта, стекла в восьми главах, и в конце хеппи-энд. Просмотров в суперчате за сотню тысяч перевалило, забыла что ли?

Су Синьхао медленно прикрыл глаза. Обычная студентка написала фанфик о любви объемом более чем в двадцать тысяч слов, используя его настоящее имя, причем главными героями выступали он и его напарник по группе. Внезапно он подумал, что обмен телами — еще не самое страшное. Куда страшнее было осознавать, что теперь ему придется в роли Линь Юэюэ столкнуться со всем тем, что она когда-либо сочинила.

Но времени продолжать паниковать не оставалось. Потому что его телефон — телефон Линь Юэюэ — зазвонил. На экране высветился незнакомый номер. Подняв трубку, он услышал представившегося сотрудником PR-отдела какой-то развлекательной компании человека, чей тон не допускал возражений: — Здравствуйте, госпожа Линь Юэюэ. По поводу инцидента на позавчерашней автограф-сессии компания организовала визит господина Су Синьхао в больницу к вам сегодня во второй половине дня, он прибудет примерно к двум часам. Возможно присутствие прессы, надеемся на ваше содействие.

Рука Су Синьхао, державшая телефон, онемела.

Он собирался навестить меня. Нет, «Су Синьхао» собирался навестить «Линь Юэюэ». При этом в теле «Су Синьхао» обитала Линь Юэюэ, а в теле «Линь Юэюэ» находился он сам. Ему предстояло в качестве фанатки принимать визит собственного кумира, пока этот самый кумир неуклюже изображал его в его же теле.

Сбросив вызов, Су Синьхао обнаружил, что Чжао Тяньтянь пожирает его сияющими глазами: — Кто звонил? Неужели Су Синьхао собирается навестить тебя?! — Ее голос подскочил по меньшей мере на три октавы, грозя пробить потолок палаты.

Су Синьхао с абсолютно каменным лицом кивнул. Чжао Тяньтянь разразилась визгом, чуть не оглушившим его.

В два часа пополудни «Су Синьхао» вовремя объявился в больнице Чаоян.

Линь Юэюэ облачилась в повседневную одежду Су Синьхао: белую рубашку поверх светло-серго трикотажного кардигана, черные облегающие брюки и белые кроссовки. Этот наряд был заранее подобран стилистом с расчетом на создание дружелюбного образа «скромного визита к поклоннице». Позади нее следовали двое сотрудников, а впереди семеня фотограф, щелкавший камерой. Вспышки фотоаппарата озаряли коридор, привлекая внимание множества больных и их родственников. Ладони Линь Юэюэ вспотели до отказа. Сохраняя подобающую улыбку и вышагивая ровно так, как она накануне заучила по аэропортным превью Су Синьхао, она вошла в палату.

Там «Линь Юэюэ» полулежала на кровати, с белой повязкой на лбу — вид у нее был болезненный, но в целом бодрый. Рядом сидела девушка в желтом, у которой при виде вошедшего «Су Синьхао» от удивления отвисла челюсть, а телефон едва не выпал из рук. Узнав Чжао Тяньтянь, Линь Юэюэ внутренне сжалась: она совершенно забыла предупредить Су Синьхао о подруге, оставалось надеяться, что обойдется без накладок.

— Здравствуйте, — произнесла Линь Юэюэ голосом Су Синьхао, но тональность звучала куда мягче обычного — она читала по выданному компанией сценарию. — Узнав, что вам стало плохо на автограф-сессии, я сильно переживал. Сегодня выдалось свободное время, вот и заглянул узнать, как вы восстанавливаетесь.

«Линь Юэюэ» на больничной койке подняла на нее глаза.

В это мгновение Линь Юэюэ уловила в том взгляде поистине сложнейшую гамму чувств. На поверхности плескались спокойствие, благопристойность и готовность подыгрывать, но под ними скрывалось слишком многое: раздражение, абсурдность ситуации и капля горькой, едва заметной иронии. Это был Су Синьхао. Она узнала его мгновенно. Способность оставаться хладнокровным в хаосе и владеть собой среди безумия — эта манера в точности повторяла то, что она видела в той же палате пару ночей назад.

— Спасибо за заботу, — ответила «Линь Юэюэ» голосом Линь Юэюэ, хотя интонация оказалась куда тверже привычной. — Ничего страшного, обычный перепад сахара. А вот вы? Место, куда я врезалась, больше не болит?

Формулировка фразы оказалась чересчур выверенной, настолько, что на Линь Юэюэ это было совсем не похоже. Сидевшая рядом Чжао Тяньтянь слегка нахмурилась, очевидно сочтя странной сегодняшнюю манеру речи подруги. Однако та явно не успела сосредоточиться на этом, поскольку была всецело поглощена тайной съемкой профиля Су Синьхао на телефон.

— Я в порядке, — продолжая играть по сценарию, Линь Юэюэ присела на стул у кровати. — Обследования пройдены, легкое сотрясение, пара дней отдыха — и всё пройдет. Вам не стоит себя корить.

Кто-то из персонала в углу подал знак, что пора переходить к подаркам. Достав из сумки заготовленную корзину с фруктами и букет цветов, Линь Юэюэ поставила их на тумбочку. Затворы камер защелкали еще чаще. Затем помощники начали зачистку пространства: — Прошу прощения, не могли бы вы выйти на пару минут? Нам нужно сделать несколько кадров с глаз на глаз.

Чжао Тяньтянь выставили за дверь. Съёмочная группа расставила точки съёмки, попросив «Су Синьхао» и «Линь Юэюэ» принять совместные позы для серии снимков. Выполняя указания, Линь Юэюэ присела на краешек койки вполоборота, слегка наклонив голову к пациентке с выражением искреннего беспокойства и мягкости на лице. «Линь Юэюэ» послушно подняла голову, встречаясь с ней взглядом. Звук щелкающих затворов заполнил тесную палату.

— Отлично, пожалуй, достаточно. — Фотограф подал жест, и помощники принялись сворачивать аппаратуру. — Господин Су, мы подождём вас снаружи, пообщайтесь с фанаткой вкратце и можете идти. Уложите минут в пять.

Дверь закрылась, оставляя их вдвоем.

Тишина стояла такая, что было слышно дыхание друг друга.

Линь Юэюэ сидела на стуле, а «Линь Юэюэ» откинулась на подушки. Разделявшие их меньше чем полметра пространства казались пропастью, и ни один из них не решался заговорить первым. Воздух пропитался смесью больничного хлора и аромата свежих цветов. Белые лилии в букете распустились в полную силу, источая удушливо-сладкий запах. Прошло секунд десять молчания, после чего они синхронно открыли рты:

— Ты...

— Ты...

Голоса столкнулись и разом умолкли. Линь Юэюэ сжала пальцы, знаком предлагая собеседнику говорить первым. Су Синьхао не стал церемониться и голосом Линь Юэюэ ровно поинтересовался: — Как прошла сегодняшняя репетиция?

Линь Юэюэ не ожидала, что его первый вопрос окажется именно таким. Никаких расспросов, никаких претензий, никакого «что ты вообще вытворял в моем теле» — его интересовала репетиция. Это была его сцена, его танцы, его команда. То, что волновало его больше всего на свете.

— Нормально, — машинально повторила Линь Юэюэ вчерашнюю формулировку из Вичата, но тут же исправилась: — Чуть лучше, чем вчера. Но учитель Чэнь сказал, что я отстаю от прежнего уровня... от твоего прежнего уровня.

Су Синьхао на секунду притих: — В чем именно?

— В акценте усилия. Точка приложения силы в вейве вечно смещается на плечи. — Линь Юэюэ опустила глаза на собственные руки — руки Су Синьхао с рельефными суставами и длинными пальцами. — У твоего тела есть мышечная память, а моя голова за ней не поспевает. Каждый раз, когда телу нужно совершить движение, я запаздываю на полтакта.

— Естественно. Твоя спортивная координация не совпадает с мышечной памятью тела, требуется время на притирку, — голос Су Синьхао звучал бесстрастно, как в учебном видео по хореографии. — Когда сегодня вечером вернешься отрабатывать импульсы, попробуй перенести внимание на поясницу и мышцы кора, не думай о конкретных движениях, позволь телу двигаться самому.

Линь Юэюэ кивнула, накрепко мотая на ус. Замявшись на мгновение, она набралась храбрости спросить: — А как у тебя? Тело слушается?

Выражение лица Су Синьхао едва заметно изменилось. Очень неуловимо, но Линь Юэюэ заметила. — Терпимо, — бросил он суше. — Вот только твоя подружка...

Закончить фразу он не успел. Дверь палаты тихонько стукнула. Внутри вошла врач с пачкой медицинских карт и папкой в руках. Женщина лет сорок в очках в золотой оправе выглядела предельно строго: — Родственники Линь Юэюэ здесь?

Су Синьхао выпрямился на кровати: — Я сама. Говорите.

Доктор подошла ближе, раскладывая бланки на тумбочке. Тут ее взгляд зацепился за «Су Синьхао», и она на мгновение замерла, явно узнав это лицо. Впрочем, быстро взяв себя в руки, она вернулась к профессиональному тону: — Прекрасно, раз господин Су тоже здесь, послушайте оба.

Открыв папку, она достала снимки МРТ головного мозга для сравнения. Слева значилась фамилия «Линь Юэюэ», справа — «Су Синьхао». Поправив очки, врач заговорила куда более весело: — Результаты вашей электроэнцефалограммы оказались крайне любопытными.

Сердце Линь Юэюэ подпрыгнуло и забилось быстрее.

— Если говорить конкретно, — доктор указала на изрезанную волнами диаграмму, — энцефалограммы, снятые в день вашего падения, демонстрируют редчайший феномен — синхронизацию ритмов. И речь не о рядовом совпадении, а о высокой степени точности, будто левое и правое полушария одного и того же человека ведут диалог. За двадцать с лишним лет практики я встречала нечто подобное лишь в научной литературе.

Взгляд Су Синьхао упал на графики мозговых волн, брови чуть сошлись на переносице. Он молчал, но пальцы, лежавшие на одеяле, заметно напряглись.

— Последующий анализ с помощью ИИ-моделей показал, — продолжила врач, — что сейчас ваши энцефалограммы находятся в состоянии так называемой связи. Проще говоря, вы оба сейчас напоминают два компьютера, подключенных к одному серверу и делящихся определенной информацией. Что именно это за информация... — она сделала паузу, — судя по клиническим проявлениям, речь идет об уровне сознания.

Воздух в палате словно сделался на порядок тоньше. Линь Юэюэ показалось, что в ушах зашумело. До нее донесся голос Су Синьхао — ровный, как и прежде, но под этой ровностью сквозило скрытое напряжение: — И как разорвать эту связь, о которой вы говорите?

Врач промолчала с десятков секунд. Эти секунды тянулись дольше пары веков.

— На данный момент способов нет, — отрезала она. — И я обязана вас предупредить: не пытайтесь предпринимать никаких попыток насильственного разделения. Согласно компьютерному моделированию, если провести терапию по разъединению в ближайшее время — например, насильственно прервать эту связь с помощью сильной электромагнитной стимуляции или медикаментов — мозговая активность обоих даст сбой. Итогом может стать нарушение когнитивных функций, путаница в памяти, а в худшем случае...

Она снова сделала паузу.

— Оба впадут в коматозное состояние.

Эта фраза прозвучала тяжелым валуном, рухнувшим в гладь озера. Линь Юэюэ почувствовала,

как у нее задрожали кончики пальцев. Повернув голову к Су Синьхао, она увидела, что он в ту же секунду смотрит на нее. На разделявшем их метре пространства, в отражении того лица, что принадлежало Су Синьхао, и тех глаз, что принадлежали Линь Юэюэ, они увидели одно и то же чувство.

Это была не паника. Это была трезвая ясность. То самое отчетливое понимание: «и всё-таки просто не будет».

Врач закрыл папки и заговорил чуть мягче:

— Конечно, это не значит, что вернуть всё назад уже невозможно. Подобное состояние сцепления может со временем исчезнуть естественным путем, а может потребоваться ждать, пока медицинские технологии разовьются до определенного уровня, чтобы безопасно всё распутать. Когда именно это произойдет — мы пока предсказать не можем. До тех пор, пока не найдется безопасное решение, ваш единственный вариант — сохранять текущее положение дел.

Сохранять текущее положение дел. Это означало, что Су Синьхао придется продолжать жить в теле Линь Юэюэ. А Линь Юэюэ — продолжать жить в теле Су Синьхао. И не день или два, не неделю или две. Неизвестно сколько. Может быть, несколько месяцев, а может, и несколько лет.

Врач дал еще несколько напутствий и ушел. В смотровой снова стало тихо, но эта тишина разительно отличалась от прежней. Та тишина была неловкой, полной настороженности и взаимной притирки. Нынешняя же давила тяжестью, словно воздух внезапно наполнился водой.

Первой молчание нарушила Линь Юэюэ. Голос ее звучал слегка хрипло:

— Су Синьхао.

— Мм.

— Ты будешь меня ненавидеть?

Су Синьхао не ответил сразу. Он прислонился к изголовью кровати, скосив взгляд на окно. Полуденный свет пробивался сквозь белые занавески, ложась на его лицо мягким отблеском. Лицо было ее собственным, но Линь Юэюэ никогда еще не видела на нем такого выражения: спокойного, задумчивого, в котором усталость странным образом сочеталась с несгибаемой стойкостью.

— Разве ненависть тут поможет? — произнес он.

Ответ был точь-в-точь как в ту ночь. Линь Юэюэ опустила голову, сжав пальцы в кулаки.

Затем Су Синьхао заговорил снова, и голос его стал чуть тише:

— Я тебя не ненавижу. Но я определенно не хотел знакомиться с тобой таким способом.

В горле у Линь Юэюэ словно застрял ком. Она приоткрыла рот, собираясь сказать «прости», но она уже слишком много раз извинялась. Извинения не вернут прежние тела вспять, не повернут время вспять, не смогут вернуть всё к моменту до четырнадцатого июля.

— С этого момента, — Су Синьхао повернул голову и посмотрел на нее — взгляд его был трезвым и сдержанным, — нам предстоит не просто справляться с завтрашним днем. Нам придется справляться с бог знает каким количеством завтрашних дней. Ты продолжаешь изображать меня, я продолжаю изображать тебя. Никто не должен оступаться. Твою жизнь я буду поддерживать ради тебя, а ты будешь поддерживать мою ради меня. До тех пор, пока мы не найдем способ всё вернуть.

Он сделал паузу, и его голос упал еще ниже:

— Ты задолжала мне сцену. В тот день, когда мы всё вернем обратно, я хочу видеть, что мое тело способно танцевать на прежнем уровне.

Линь Юэюэ подняла голову, глядя в те самые глаза, которые принадлежали ей самой. В этих глазах не было ни нежности, ни снисхождения — лишь холодное, бескомпромиссное требование. Но именно это требование заставило ее непрерывно трепетавшее сердце немного успокоиться. Это было не утешение и не прощение, а цель. Направление, к которому она могла стремиться.

— Хорошо, — ответила она, поднялась и взяла сумочку. У самой двери она на мгновение замерла, не оборачиваясь. — Твой сокомандник Чжан Цзи посреди ночи спрашивал, почему мы танцевали в комнате. Я ответила, что ударилась головой и не могла уснуть, так что больше не проболтайся.

Голос Су Синьхао донесся сзади:

— Понял. Твоя лучшая подруга Чжао Тяньтянь показала мне фанфик, который ты добавила в избранное в супертопике. «Звезды за пределами световых лет», двадцать тысяч слов.

Шаги Линь Юэюэ резко оборвались.

Она медленно повернулась, встретившись взглядом с бесстрастным выражением лица Су Синьхао. Ее лицо — ее собственное лицо — приняло микровыражение, которого она никогда у себя не видела, но сейчас различила совершенно отчетливо. Губы чуть сжались, а левая бровь приподнялась примерно на миллиметр.

Это была многозначительная пауза.

— Написано неплохо, — обронил Су Синьхао.

Линь Юэюэ едва ли не сбежала из смотровой. В коридоре к ней бросился сотрудник, от зоны

отдыха примчалась Чжао Тяньтянь, снова защёлкали вспышки фотографов. Окруженная со всех сторон, она сохраняла вежливую улыбку, миновала больничные двери и забралась в фургон. Стоило дверям машины захлопнуться, как она наконец смогла позволить себе не держать эту улыбку.

Она закрыла лицо ладонями. У Су Синьхао были большие руки, они полностью закрывали ее лицо. В этом темном, замкнутом пространстве она беззвучно закричала. Не от страха и не от чувства вины. А из-за тех слов и того выражения лица Су Синьхао напоследок — ее лицо сделало то, чего она никогда прежде не делала, и произнесло то, чего она никак не ожидала от него услышать.

Она вдруг осознала, что с этого момента между ней и Су Синьхао появилась новая связь. Это больше не были простые отношения виновника аварии и пострадавшего, не отношения фанатки и кумира. Это были отношения соучастников. Соучастников, связанных одной абсурдной судьбой. Каждый из них держал в руках самые сокровенные секреты другого: ее фанфики и аккаунт фанатки, его уровень репетиций и взаимодействие с товарищами по группе. Они зависели друг от друга, нуждались друг в друге, и никто из них не мог просто взять и выбросить другого за борт.

Дверь машины приоткрылась, и в салон заглянул сотрудник:

— Учитель Су, едем в общежитие или в компанию?

Линь Юэюэ опустила руки, снова надевая маску Су Синьхао. Голос ее звучал ровно, тон был спокойным.

— В общежитие. Вечером еще тренировка по танцам.

<http://bllate.org/book/20903/2113175>